

Беседы с Альфредом Шнитке

“... Мне нет дома на земле, я это понял”

СОБЛОЖКИ толстого, роскошно иллюстрированного тома смотрит лицо измученного болезнью человека. Строгий вопрошающий взгляд уводит куда-то вглубь, всеяя смутное беспокойство. Под обложкой – беседы с Альфредом Шнитке, сборник, составленный другом композитора, доктором искусствоведения Александром Ивашкиным. В книгу, изданную РИК “Культура”, включены также статьи композитора, подробный список сочинений и множество других сведений, полезных интересующимся его творчеством.

Беседы Шнитке – Ивашкина – в самом деле беседы. Счастливо избегнут тон назойливого интервьюирования, “заглядывания в рот” гению. Партнеры общаются на равных. Вкрапленные время от времени маленькие эссе Ивашкина не диссонируют речам композитора, особенно хороши два более длинных обрамляющих текста. О чем же идет речь?

О детстве и о родителях, о профессиональном формировании и о коллегах-композиторах, о философии и религиозном самоопределении, о России и Западе, друзьях просто и в друзьях-музыкантах. Легче сказать, о чем говорится мало. Почти не рассказывает Шнитке о своем пути, как многим известно, отнюдь не усыпанном розами. Лишь один нашумевший случай документирован подробно: история с парижской постановкой “Пиковой дамы” в редакции А. Шнитке – Г. Рождественского – Ю. Любимова, не состоявшейся из-за статьи-доноса А. Жюрайтиса. Об остальном композитор практически не упоминает. Ни об отмене премьер, ни о невозможности присутствовать на зарубежных исполнениях, ни об отсутствии гонимых за сочинения, которые игрались, но официально не приобретались. Ему явно не хочется распинаться на эти темы “сейчас, когда каждому кажется, что “правду говорить легко и приятно” (гораздо легче, чем двадцать – тридцать лет тому назад о чем-то умалчивать и этим губить свое сердце, давление, нервы, жизнь...)!” Цитата – из письма-отказа от Ленинской премии в 1990 году.

Шнитке занимают гораздо более серьезные проблемы, нежели сведение счетов с прошлым и его “героями”. Хотя он вовсе не выглядит отстраненным от земной суеты философом. Не так ли и в его музыке, особенно 70-х – начала 80-х: за воландовской круговертью, “жизнью мышшей беготней” угадывается нечто неподвластное временному – вечное?

Время – истинный герой творчества Шнитке, и не случайно о нем так много сказано в книге. Время историческое, свернутое в звуковом апокалипсисе полистилистики, когда в одном мгновенье, как перед лицом смерти, вдруг сталкивается несовместимое – штраусовский вальс и похоронное шествие, высокая классика и модная танцулька. И время психологическое, переживаемое, где минута может длиться вечность и вечность – минуту. “Сейчас для меня каждый день – это очень большой срок, который вмещает очень много... Это новое ощущение расширяющегося времени очень много мне дало”. Шнитке говорит здесь о “втором круге” своей жизни и творчества, начавшемся после тяжелой болезни осенью 1985 года. Потрясение изменило его не только физически – другой стала музыка. Ивашкин прямо спрашивает композитора об этом, обращая внимание на некую новую жесткость, ранее не слышимую в произведениях Шнитке. Но, возможно, дело не просто в жесткости. Нет больше самозабвенной погруженности в музыку бытия в блоковском смысле – в ту реальную стереофоню жизненных впечатлений, которая щедро питала музыку Шнитке. Не сразу, но его произведения становятся все строже и аскетичнее, беспощадно обнажаются их стилистические корни. Но тем пронзительнее вдруг случающиеся прорывы в иные миры, как в финале Первого виолончельного концерта. Кажется, что композитор

услышал музыку сфер и чудом успел ее записать – такой, какой она звучит там.

Шнитке – художник рефлексрующий, из тех, кто “все про себя знает”. Он часто рассуждает о природе творчества, о рождении замысла и о процессе сочинения. Убеденный интуитивист, он склонен, однако, к рациональному анализу плодов интуиции. “Музыка мною не пишется, а улавливается”, но “все равно нужно приблизиться к тому, что ухватить не удастся”. Этой же теме посвящена одна из самых глубоких статей композитора, скучно, но точно названная: “На пути к воплощению новой идеи”. То, что предстает художнику в его замысле, никогда не удается воплотить в адекватной форме, получается “что-то вроде перевода на иностранный язык с оригинала, с того оригинала, который, в общем, оказывается неуловимым”. Однако Шнитке не удовлетворяется констатацией этой довольно хорошо известной мысли. Его вывод парадоксален. Человеческое несовершенство – не помеха творчеству, а его условие. “Вероятно, всякая музыка является “ошибочной” по отношению к первоначальному замыслу природы. Но неизбежность этой “ошибки” вместе с тем дает музыке возможность существовать дальше”.

Некоторые статьи Шнитке, подобно цитированной, тактично вкраплены составителем в текст бесед. Как хороша новелла о городе детства, Вене, тридцать лет подряд являвшемся в снах и все недостижимом, пока наконец сон не сбывается, и вот-вот на перекрестке появятся родители, совсем еще молодые...

Вена – детский рай, другие берега, к которым нет возврата. Да и этот рай больше в воображении, ведь реальная послевоенная Вена не была такой идиллической, какой казалась ребенку. Взрослый это понимает. Но поиски места, где он свой, где он дома, все продолжают, и вновь возвращается Шнитке к своим корням, к еврею отцу, который лучше говорил по-немецки, чем немка мать, к детству в городе Энгельсе, состоявшем из сараев и заборов, где он впервые почувствовал, что у него “нигде нет естественного права на родину”. Позже он не раз повторит эту мысль. “Почему ты такое значение придаешь национальному в себе? – Потому что всю жизнь испытывал это внешне и внутренне... Мне нет дома на земле, я это понял”.

Но кто знает, не из этого ли чувства родилась универсальность музыки Шнитке? Русская философичность – немецкая аналитичность, интеллектуальная острота и эмоциональная предельность, “романная” масштабность и камерная отточенность – эти могучие антиномии питают зрелое творчество Шнитке, неотделимы от него.

Еще одна антиномия: вера – неверие. “Неверящее человечество – закончилось”. Никаких недомолвок. Но так ли безапелляционна музыка Шнитке? Конечно, нет, и композитор сам это про нее знает. Не отсюда ли безнадёжная прострация некоторых финалов? И не зря так поразил слушателей “двойной портрет” Мефистофеля в “Истории доктора Иоганна Фауста”. Зло увлекает и затягивает, “темная иррациональная сфера”, для краткости Дьявол, все время “бросается на то, что еще не испытано”. Начинает попахивать леверкуновской серой. Но: “Я боюсь предполагать, но думаю, что дифференциация на Бога и Дьявола, на два мира – не может в окончательном виде все выразить”.

Долгие годы музыка Шнитке говорила нам о самом важном – о мире и о нас самих. Она была нашим языком, более точным, чем слова. Что же стало со всем этим, с нашим миром и с нами самими? “Дух дышит, где хочет. Жил там и ушел. А почему – мы не знаем. Он там больше не живет”.

Но где он теперь живет?

Светлана САВЕНКО